

Понятие и цели наказания в русском средневековом праве

© 2022

Сквозников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория и история государства и права»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1543-0375>

Аннотация: В статье рассматривается эволюция цели уголовного наказания в источниках русского средневекового права с точки зрения субъективной вины злоумышленника. На протяжении длительного времени сущность наказания в русском праве выражалась не столько в применении санкций к обидчику за нарушение последним нормы поведения (обычая), сколько в том, чтобы восстановить нарушенный порядок (правду) и удовлетворить чувство обиды потерпевшего путем причинения физического страдания обидчику либо компенсировать обиду путем взыскания имущества обидчика. Сущность наказания выражалась в восстановлении справедливости, которая понималась как равноценное воздаяние обидчику за совершенное зло, причинение обиды, нарушение всеобщего порядка. Подобное понимание идеи справедливости, неразделяемой с правом, исторически явилось стержнем русского (российского) правосознания. Автор использовал методы историко-правового и сравнительно-правового анализа. Исследована деятельность законодателя по ограничению применения потерпевшими мер возмездия (мести) в отношении обидчика, осуществляемых в частном порядке без участия государственной власти. Автор пришел к выводу о том, что в позднем средневековье в период становления Московского государства в XIV–XV вв. наказание становится мерой воздействия, олицетворяющей не частный, а публичный (государственный или классовый) интерес. Наказание в руках государства становится воздаянием (карой) преступнику формально от имени всего общества, но фактически от лица господствующего класса. Законодатель начинает уделять внимание внутреннему (субъективному) отношению лица к совершенному правонарушению и последствиям при назначении наказания.

Ключевые слова: русское средневековое право; Русская Правда; преступное деяние; причинение обиды; кровная месть; субъективные признаки деяния; установление вины; право наказания.

Для цитирования: Сквозников А.Н. Понятие и цели наказания в русском средневековом праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 3. С. 34–39. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-34-39.

ВВЕДЕНИЕ

В современных общественных науках под наказанием в широком смысле слова понимают негативную санкцию (средство воздействия), используемую как элемент социального контроля нежелательного поведения индивидов и уменьшающую вероятность повторения такого поведения с целью защиты общества и его отдельных членов [1].

В юриспруденции под наказанием принято понимать меру государственного принуждения, применяемую в соответствии с законом к лицу, совершившему правонарушение и признанному виновным, предусматривающую негативные последствия для правонарушителя в виде лишения материального, личного или организационного характера [2].

Современное понимание сущности наказания в праве прошло длительную эволюцию. Следует напомнить, что понятия «преступление» и «наказание» в русском праве появляются не сразу. В частности, в древнерусском праве общественно вредные и противоправные деяния в их современном понимании называли «обидой», «согрешением», «проказой» [3]. Это четко прослеживается на примере некоторых норм русско-византийских договоров¹. Быть «обиженным» – значит

претерпеть что-то неприятное (оскорбление, ущерб, несправедливость), это и считалось преступлением [4]. Частно-правовая трактовка правонарушения долгое время преобладает над публично-правовым пониманием противоправного деяния [5]. Вместе с тем нанесение обиды (причинение вреда) воспринималось у восточных славян не только в смысле нарушения личных интересов, но и как нарушение всеобщего порядка, добра (правды). Совершить преступление – значит совершить зло, «погубить правду». Таким образом, сущностной чертой обиды (правонарушения) выступает не только причиненный моральный или материальный вред, но и морально-нравственная порочность, нарушение сложившихся обычаев, которые именовали «норовом», «преданием», «правдой» [6]. При этом обиженный в первую очередь обращал свое внимание на внешнюю сторону преступного деяния, вред, который был ему причинен, зачастую не различая деяний по характеру участия в них воли преступника. Сам факт совершения вредоносного деяния увязывался с наличием преступного помысла, злонамеренностью, то есть действие отождествлялось с виной [7]. Наказанию подлежало в первую очередь не виновное действие как таковое, но его внешний (объективный) результат – смерть, увечье, гибель имущества и т. д. Такое игнорирование субъективных признаков деяния приводило к тому, что

¹ Договор Руси с Византией 911 г. Ст. 3 // Памятники русского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней

Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. 526 с. С. 408.

в некоторых случаях потерпевший обращал свой гнев, месть не только на представителей человеческого рода, но и наказывал как своих обидчиков животных и даже объекты неживой природы (камни, воду и т. д.)².

В свое время выдающийся немецкий философ Ф.В. Ницше отмечал, что на протяжении длительного периода человеческой истории смысл наказания заключался не столько в том, чтобы привлечь к ответственности виновного, сколько в том, чтобы осуществить возмездие в отношении лица, причинившего вред. В психологии древнего человека прочно утвердилось представление о том, что всякий ущерб имеет свой эквивалент и может быть возмещен, в том числе путем причинения физического или нравственного страдания (боли) вредителю. Подобно тому, как некоторые родители наказывают своих детей, гневаясь на понесенный ущерб и срывая злобу на вредителя, в древних обществах часто наказывали только за вредоносный результат действия, не учитывая вину, внутреннее отношение лица к содеянному³. Воздействие на вредоносный объект в форме мести было во многом связано с ярко выраженным инстинктом самосохранения древнего человека. Известный итальянский криминолог Э. Ферри отмечал, что на примитивной стадии развития человечества наказание понималось как естественная оборонительная реакция в отношении деяний, вредных для отдельных лиц или общества в целом [8]. Главным условием привлечения к ответственности и назначения наказания выступала польза для общества и необходимость его самосохранения [9].

Автором выдвинута гипотеза о том, что наказание в древнерусском праве носило в основном компенсационный и правовосстановительный характер, что способствовало снижению социальных конфликтов и ослаблению кровной мести как способа воздаяния за обиду.

Цель исследования – выявление сущности наказания в качестве меры общественного воздействия на правонарушителя в русском средневековом праве.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор методологии исследования был обусловлен поставленной целью исследования. Материалами (эмпирической основой) настоящего исследования послужило российское законодательство XI–XV вв. Применялись как общенаучные методы, так и специально-юридические методы исследования.

Общенаучный метод индукции позволил продвигаться в последовательном изучении содержания, формы и сущности такого явления, как наказание, определить его характерные признаки и цели. Историко-правовой сравнительный метод позволил с помощью сравнения отдельных норм некоторых памятников русского права различных исторических эпох сделать определенные обобщения, раскрыть эволюцию системы

целей наказания и выявить некоторые тенденции в развитии института наказания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сущность наказания в древнерусском правовом сознании

В широком смысле целью наказания в древнерусском праве являлось восстановление гармонии, баланса добра и зла, которые были нарушены по причине (вине) действия лица, преступившего каноны, заветы предков, то есть совершившего преступление [10]. Первоначально преобладала идея тотального воздаяния по принципу «совершил – претерпи». Возмездие, искупление вины было направлено на примирение со всеобщим (божественным) порядком. Длительное время наказание как мера воздействия на члена общества имело форму частной мести, применяемой обиженным (потерпевшим) или его сородичами по отношению к обидчику. Месть представляла собой простейший способ противодействия и защиты от дальнейших преступных посягательств, который применял сам потерпевший. В случае гибели потерпевшего право возмездия за злодеяние переходило к близким родственникам. Так, норма Правды Ярослава предусматривала: «Убьёт муж мужа, то мстить брату брата, или сыну отца, либо отцу сына, или братову сыну, либо сестрину сыну...»⁴.

Частноправовой и публично-правовой подходы к наказанию в русском праве

Проявлением частного подхода к правонарушению являлось право на осуществление кровной мести за убийство или правомерная казнь вора в момент совершения кражи. Существовало право ответить ударом на удар, «не терпя обиду»⁵. Данные меры можно назвать самостоятельным досудебным способом восстановления справедливости, самозащитой отдельных членов общества от нарушения их интересов без участия княжеской (государственной) власти. С другой стороны, за проступок одного члена семьи (общины) в некоторых случаях отвечал весь коллектив. Например, когда вервь (община) не могла найти и задержать преступника на своей территории или не желала его выдавать властям, все члены общины обязаны были платить повальную (дикую виру)⁶. Аналогично и обида, нанесенная одному из членов семьи, рассматривалась как обида всего рода (общины). В этом смысле восстановление справедливости путем мести (воздаяния) преступнику всегда носило общественный (публичный) характер. Более того, отмщение было не только правом, но и обязанностью общины, которая должна восстановить нарушенный преступлением порядок [11].

² Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция, прочитанная 23 марта 1903 года в актовом зале Императорского Новороссийского университета в пользу Одесского исправительного приюта для малолетних преступников. Одесса: Экономическая типография, 1903. 48 с.

³ Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 23.

⁴ Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку). Ст. 1 // Памятники русского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 109.

⁵ Русская Правда Пространной редакции (по Троицкому 1-му списку). Ст. 26 // Памятники русского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 121.

⁶ См. 5.

Неслучайно в Русской Правде значительное число наказаний носило частноправовой характер, исполнялись самими потерпевшими или их представителями без привлечения публичной власти. Встречаются и наказания, осуществляемые государственной властью. К таким наказаниям прибегали за совершение особо тяжких обид (поджог, конокрадство, разбойное убийство). Данные деяния, представлявшие опасность не только для частных интересов (общины), но и угрожавшие интересам русской военно-феодалной знати (публичной власти), не подлежали искуплению путем выплаты денежной виры. Говоря современным языком, примирение с потерпевшим (его родом) при нанесении особо тяжкой обиды было невозможно путем выплаты денежной компенсации. Здесь преступник вступал конфликт не только с конкретным лицом или родом, но со всем обществом (государством). Поэтому восстановление нарушенного порядка (правды) требовало применения более суровых мер в отношении преступника. Община обязана была изгнать преступника вместе с семьей из своих пределов («поток»), то есть лишить его своей защиты и выдать головой в руки княжеского (государственного) правосудия. Результатом потока становилась полная конфискация имущества преступника и обращение его в рабство вместе с женой и детьми⁷. Таким образом, в русском средневековом государстве долгое время сосуществовали две формы наказания: частноправовая форма, в сущности, индивидуальная оборона, и коллективная самооборона, проявляемая в наказаниях, осуществляемых исключительно государством.

В дальнейшем с развитием государства преобладающая закономерно получила система наказаний, назначаемых и исполняемых органами государственной власти. Однако по форме наказание за противоправные вредоносные деяния сохраняло форму коллективной самообороны общества и его отдельных лиц, осуществляемую посредством позитивного права и системы государственного правосудия и исполнения наказаний.

В период политической раздробленности в русском праве еще сохраняется возможность самостоятельной расправы над обидчиком или взыскания с него компенсации частным порядком. Так, в Двинской уставной грамоте 1397 г. содержалась норма, позволяющая участникам драки («боя») разрешить конфликт без участия государственной власти⁸. Однако здесь скорее следует говорить о взаимном примирении сторон, добровольной выплате обиженному компенсации со стороны обидчика, нежели о мести.

Вместе с тем в Двинской уставной грамоте нашел отражение процесс вытеснения властью из жизни общества практики самовольного, осуществляемого без участия государственной власти, призвания правонарушителя к ответу, в том числе взыскание денежной компенсации с преступника за нарушенный интерес [12]. В данном случае самосуд рассматривается вла-

стью как деяние, нарушающее финансовые интересы государства, которое в случае частного разрешения спора лишается возможности получения дохода в виде судебных пошлин. За самосуд в Двинской уставной грамоте устанавливался штраф в размере 4 рублей⁹.

Со временем кровная месть все больше ограничивается государством и становится пережитком родовых отношений. В частности, в нормах Псковской Судной грамоты был установлен запрет на осуществление самостоятельной расправы над обидчиком, осуществление в отношении него различных насильственных действий до суда. Частноправовой характер наказания в форме кровной мести был криминализован властью [13]. Месть, расправа над правонарушителем, приближаясь к современному пониманию самосуда, становится наказуемым деянием, за которое предусматривалась такая же ответственность, как за голову (убийство)¹⁰.

Таким образом, цели наказания в древнерусском праве, пришедшие в большей степени из общинного права, разделялись на два направления.

Направления воздействия наказания на правонарушителя

Первое направление – возмездие «злом за зло» (в особенности присущее ранним редакциям Русской Правды). Сюда входят все наказания, направленные на физическое страдание преступника или его физическое устранение (убийство в форме кровной мести или изгнание из общины). Следует отметить, что идея возмездия преступнику за совершенное зло, присущая сознанию восточных славян, вполне гармонично вписалась в византийскую правовую идеологию, воспринятую русским средневековым государством после принятия христианства и рецепции византийского канонического права. Влияние христианства на русское правосознание и законодательство выразилось во внедрении идеи покаяния, искупления вины и исправления преступника как цели его наказания [14]. При этом уже в русско-византийском договоре 911 г. для обозначения наказания за грабеж в отношении экипажа иностранного судна используется термин «епитимья»¹¹. Таким образом, понимание наказания как нравственно-исправительной меры начало укореняться в сознании восточных славян еще до принятия христианства.

Со временем наказание стало восприниматься не просто как возмездие, мщение обидчику за причиненный вред, но и как способ повлиять на преступника, достичь с помощью наказания покаяния и внутреннего перерождения правонарушителя. Данная высокая цель предполагала, помимо установления размера ущерба, выяснение внутренних движущих сил, в том числе личного отношения к содеянному.

Второе направление – материальная выгода, при этом выгода не только потерпевшего, но и государства.

⁷ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 87.

⁸ Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. // Памятники русского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 99.

⁹ См. 8.

¹⁰ Псковская судная грамота. Ст. 26. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 334.

¹¹ Договор Руси с Византией 911 г. Ст. 8 // Памятники русского права. В 35 т. Т. I. Памятники права Древней Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 410.

К данному направлению относятся все наказания, связанные с материальными ограничениями и лишениями виновного (вира, поток и разграбление). В поздних редакциях Русской Правды наблюдается существенное преобладание данного направления в разветвленной системе наказаний.

Следует отметить, что древнерусское законодательство отличалось относительной гуманностью наказаний. В русской правовой традиции причинение физического страдания правонарушителю не являлось целью наказания. В частности, в Русской Правде основным видом наказания были денежные штрафы, а такие виды наказаний, как смертная казнь или лишение свободы в форме тюремного заключения, долгое время отсутствовали в русском законодательстве. В дальнейшем в период становления Московского государства развитие наказания пошло по пути его ужесточения. В рассматриваемый период наблюдается заимствование из зарубежных правовых систем новых видов наказаний, которые не были характерны для древнерусского обычного права. Речь идет о членовредительских наказаниях, таких как урезание носа или ослепление [15]. Публичная власть, реализуя наказание, долгое время шла по пути частного мстителя. Преступник рассматривался в качестве врага власти, поэтому наказание во многом сохраняло характер мести [16]. Вместе с тем излишняя и чрезмерная жестокость наказания, неоправданное причинение физических страданий преступнику, явно не соответствующие тяжести его проступка и применяемые с целью устрашения, противоречили древнерусской традиции понимания справедливости как равного воздаяния.

Появление и распространение в Московском государстве такого вида наказания, как лишение свободы, было обусловлено усилением защиты со стороны государства интересов формирующейся служилой бюрократии, светских и церковных феодалов и в целом политического и экономического строя Московского государства. Новая система наказаний основывалась на рецепции византийского права, которое оказалось востребованным у отечественного законодателя в период становления Московского государства в XV–XVI вв.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Некоторые исследователи полагали, что в период господства мести не следует говорить о наличии права в обществе и, следовательно, о наказании как об институте юридической ответственности. Мечь рассматривалась как произвольные действия, простейший способ регулирования общественных отношений, осуществляемый самими их участниками. В случае с обидой – потерпевшим или его сородичами. По мнению автора, подобное представление о мести является весьма поверхностным. Наказание в форме кровной мести носило кроме прочего оборонительный и превентивный характер, дабы предупредить повторение преступных посягательств в отношении членов данного рода.

Как справедливо отмечал известный исследователь древнерусского права М.Ф. Владимирский-Буданов, «всякое право развивается из первоначальных инстинктов и природных чувств», поэтому уголовное наказание генетически развивается из мести, которую ученый

относит к правомерным явлениям [17]. С позицией Владимирского-Буданова был солидарен другой известный исследователь русского права Н. Л. Дювернуа, который полагал, что в Древней Руси обиженный, тот, кто претерпел от действий другого лица и мстит обидчику, совершает настоящий акт правосудия [18]. В данном случае ученый рассматривает действия мстящего не как самоуправство, а как правомерное самостоятельное восстановление справедливости (своего нарушенного права). Характерной чертой древнерусского правосознания являлось, с одной стороны, лично-индивидуальное восприятие правопорядка, отношение к преступлению (обиде) как к своему частному делу. Отсюда возникает стремление к разрешению конфликтных ситуаций между потерпевшим и обидчиком «по совести», без привлечения публичной власти.

По мнению Р.Л. Хачатурова, частноправовой способ решения конфликта в виде кровной мести широко использовался в Древней Руси на практике, что нашло подтверждение в нормах русско-византийских договоров X в. Нормы договоров 911 и 944 гг. предусматривали право сородичей убитого казнить убийцу, который был задержан на месте совершения деяния [19]. Таким образом, можно говорить, что мечь носила правомерный характер только в том случае, если она была реализована сразу после совершения преступного деяния, что сближало ее не с наказанием, а с индивидуальной или коллективной самообороной [20].

Ряд ученых отрицали право частной расправы над убийцей в Древней Руси и толковали вышеуказанные нормы как казнь убийцы на месте преступления по приговору суда [4].

ВЫВОДЫ

Сущность наказания в древнерусском праве выражалась не столько в применении санкций к обидчику за нарушение последним нормы поведения (обычая), сколько в том, чтобы удовлетворить чувство обиды потерпевшего путем причинения физического страдания обидчику либо компенсировать обиду путем взыскания имущества обидчика. Кроме того, преступник обязан был искупить свою вину и перед обществом в целом за нарушение порядка, установленных норм.

Публичная власть придает преступному деянию и наказанию статус общесоциальной (общегосударственной) угрозы. На смену понятиям «обида» – «мечь» со временем приходят более современные юридические понятия «преступление» – «наказание».

Наказание в современном его понимании начинает применяться, когда действия индивида начинают противоречить интересам государства, общественного строя. То есть государство начинает все больше вторгаться в сферу частного. Социальное и имущественное расслоение приводит к тому, что господствующие классы с помощью усиления карательной политики защищают свои экономические интересы. Таким образом, появление тех или иных наказаний за определенные действия демонстрирует нам, какие отношения и чьи интересы признавались в обществе наиболее важными в определенный исторический период.

В древнерусском законодательстве и судебной практике можно встретить попытки при назначении

наказания учитывать объективные признаки преступного деяния (объем причиненного вреда) во взаимосвязи с его субъективными признаками: виной, умыслом, мотивами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалев А.Ф. Формирование системы и целей уголовного наказания на раннем этапе развития отечественного государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 308–311. DOI: [10.24411/2078-5356-2018-10051](https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10051).
2. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007. 934 с.
3. Савина С.Н. Развитие представлений об уголовном проступке в отечественном законодательстве и доктрине (с древнерусского права до конца XVIII века) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2. С. 130–137. EDN: [GIYDXI](https://elibrary.ru/gydxi).
4. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. 488 с.
5. Федорова А.Н. Понятие правонарушения по Русской Правде // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5. С. 121–125. EDN: [PCAWVT](https://elibrary.ru/pcawvt).
6. Кузнецов А.П., Курдюков С.И. Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 4–7. EDN: [YYRNNJ](https://elibrary.ru/yyrnnj).
7. Сквозников А.Н. Конструкция вины в европейском средневековом праве // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 4. С. 48–52. DOI: [10.37523/SUI.2021.45.4.007](https://doi.org/10.37523/SUI.2021.45.4.007).
8. Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА-М, 2005. 658 с.
9. Сквозников А.Н. Субъективная сторона транспортных правонарушений в XVI–XIX вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 48–54. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-3-48-54](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-3-48-54).
10. Корсаков К.В. Истоки и предтеча современного уголовного наказания: равновозмездный принцип талиона и институт кровомщения в старорусском праве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2. С. 112–118. EDN: [TPTELB](https://elibrary.ru/tptelb).
11. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма, 2012. 736 с.
12. Хачатрян А.В. Проблема мести в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 157–160. EDN: [OFWDEL](https://elibrary.ru/ofwDEL).
13. Харламов А.Н., Пристенский В.Н. Вина, ответственность, право в контексте взаимоотношений личности с социумом (социально-философский аспект) // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 253–261. EDN: [RZVHVX](https://elibrary.ru/rzvHVX).
14. Солоницын П.С. Европейская уголовно-правовая доктрина вины: Античность и Средние века // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИИ России: сборник трудов конференции. Самара: Самарский юридический институт ФСИИ, 2020. С. 181–191. EDN: [PXYUFE](https://elibrary.ru/pxyufe).
15. Оспенников Ю.В. Уголовная ответственность по русским летописям XI–XIII вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2008. № 2. С. 147–149.
16. Пономаренко Ю.А. Происхождение права наказания // Проблемы законности. 2011. № 115. С. 126–135. EDN: [RDZATZ](https://elibrary.ru/rdzatz).
17. Владимировский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
18. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 396 с.
19. Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси и Византией. М.: Юридическая литература, 1988. 136 с.
20. Никулина В.А. Истоки сроков давности в древнерусском уголовном праве // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 10. С. 126–136. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136).

REFERENCES

1. Kovalev A.F. Formation of the system and goals of punishment at an early stage of development of the home state. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 308–311. DOI: [10.24411/2078-5356-2018-10051](https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10051).
2. Khachaturov R.L., Lipinskiy D.A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr-Press Publ., 2007. 934 p.
3. Savina S.N. Development of ideas about criminal misconduct in Russian legislation and doctrine (from ancient Russian law-until the end of the xviii century). *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, 2020, no. 2, pp. 130–137. EDN: [GIYDXI](https://elibrary.ru/gydxi).
4. Sergeevich V.I. *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 488 p.
5. Fedorova A.N. The idea of offence in Russian however. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 5, pp. 121–125. EDN: [PCAWVT](https://elibrary.ru/pcawvt).
6. Kuznetsov A.P., Kurdyukov S.I. State of intoxication as an aggravating circumstance and the procedure for its determination. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 3, pp. 4–7. EDN: [YYRNNJ](https://elibrary.ru/yyrnnj).
7. Skvoznikov A.N. The construction of guilt in European medieval law. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2021, no. 4, pp. 48–52. DOI: [10.37523/SUI.2021.45.4.007](https://doi.org/10.37523/SUI.2021.45.4.007).
8. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 658 p.
9. Skvoznikov A.N. The subjective aspect of transport offenses in the Russian legislation of the XVI–XIX centuries. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 3, pp. 48–54. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-3-48-54](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-3-48-54).
10. Korsakov K.V. Origins and precursor of modern criminal punishment: the principle of talion and the institution of blood vengeance in the old Russian law. *Vestnik*

- Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2015, no. 2, pp. 112–118. EDN: [TPTELB](#).
11. Maltsev G.V. *Mest i vozmezhdie v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow, Norma Publ., 2012. 736 p.
  12. Khachatryan A.V. The problem of seats in ancient law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 1, pp. 157–160. EDN: [OFWDEL](#).
  13. Kharlamov A.N., Pristenskiy V.N. Blame, responsibility, law in the context of the relationship between an individual and the society (social-philosophical aspect). *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 253–261. EDN: [RZVHVX](#).
  14. Solonitsyn P.S. The European criminal law doctrine of guilt: Antiquity and the Middle Ages. *Yuridicheskaya nauka i praktika: almanakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii: sbornik trudov konferentsii*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Publ., 2020, pp. 181–191. EDN: [PXYUFE](#).
  15. Ospennikov Yu.V. Criminal liability according to the Russian chronicles of the XI–XIII centuries. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 2, pp. 147–149.
  16. Pnomarenko Yu.A. Origin of right for punishment. *Problemy zakonnosti*, 2011, no. 115, pp. 113–121. EDN: [RTDIFR](#).
  17. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of history of Russian law]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 800 p.
  18. Dyubernua N.L. *Istochniki prava i sud v Drevney Rossii: Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava* [The sources of Law and the Court in Ancient Russia: Experiences in the History of Russian Civil Law]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 396 p.
  19. Khachaturov R.L. *Mirnye dogovory Rusi i Vizantii* [Peace treaties between Russia and Byzantium]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988. 136 p.
  20. Nikulina V.A. The origins of limitation period in the old Russian criminal law. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, vol. 73, no. 10, pp. 126–136. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136](#).

The concept and purpose of punishment in Russian medieval law

© 2022

Aleksandr N. Skvoznikov, PhD (History), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Theory and History of State and Law”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1543-0375>

Abstract: The paper considers the evolution of the purpose of criminal punishment in the sources of Russian medieval law with regard to the subjective guilt of a law-violator. For a long time, the essence of punishment in Russian law was expressed not so much in the application of sanctions to an offender for violating the norm of behavior (a custom) by the latter, but in restoring the violated order (the truth) and satisfying the victim’s resentment by causing physical suffering to an offender, or to compensate an offense by recovering the property of an offender. The essence of punishment was expressed in the restoration of justice, which was understood as an equivalent retribution to an offender for the evil committed, causing offense, and violating the general order. Such an understanding of the idea of justice, inseparable from law, has historically become the core of Russian legal consciousness. The author used the methods of historical-legal and comparative-legal analysis to study the activities of the legislator to limit the use of retaliation (revenge) by victims against an offender carried out privately without the state power participation. The author concludes that in the late medieval period, during the formation of the Muscovite state in the XIV–XV centuries, punishment becomes a compensatory remedy representing not a private, but a public (state or class) interest. Punishment in the state hands becomes retribution (punishment) to an offender formally on behalf of the whole society, but, in fact, on behalf of the ruling class. The legislator begins to pay attention to the internal (subjective) attitude of a person to a committed offense and its consequences when sentencing.

Keywords: Russian medieval law; Russkaya Pravda; criminal act; to inflict offense; blood revenge; act’s subjective signs; ascertainment of guilt; right of punishment.

For citation: Skvoznikov A.N. The concept and purpose of punishment in Russian medieval law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 3, pp. 34–39. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-34-39.